

Так сложилось по многим причинам (особенности исторического развития, геополитика, франкофония, немецкое наследие и, наконец, торжество аналитической философии), что философия Испании для российского научного сообщества является маргинальной. Современная испанская философия, столь богатая самобытными персоналиями и концепциями, к сожалению, весьма скромно представлена в русскоязычной научной среде. В курсах по истории западной философии, которые читаются студентам философских специальностей, в лучшем случае происходит довольно отрывочное знакомство с философскими идеями Мигеля де Унамуно и работами Хосе Ортеги-и-Гассета. А выдающийся ученик Ортеги, в чём-то даже превзошедший своего учителя, Хавьер Субири Апалатеги, неординарный мыслитель, работавший в 20-х годах прошлого столетия во Фрайбурге вместе с Гуссерлем и Хайдеггером, создатель ноологии (особой метафизической версии феноменологии), сторонник радикального реализма и концепции чувствующего интеллекта, автор концепта религации (принципиальной онтологической связанности человека и Бога) и своеобразной антропологии, в центре которой стоит человек как “моральная реальность”, и других оригинальных философских конструкций, — является одним из ярких примеров того, как незаслуженно вытесняется на периферию современная испанская философская мысль.

Хавьер Субири Апалатеги родился 4 декабря 1898 г. в городе Сан-Себастьян, в стране басков, и, соответственно, первым языком будущего философа был не кастильский язык, а эускера — родной язык Субири. Впоследствии мыслитель выучил множество языков, включая латинский, древнегреческий, иврит, арамейский, немецкий, итальянский, французский — был настоящим полиглотом. Помимо языков и гуманитарных наук, Субири был подкован в современной ему физике и математике, был знаком с Эйнштейном и Шрёдингером. За свою жизнь Субири преподавал в университетах Мадрида и Барселоны, давал частные уроки по всей Испании и за её пределами. Философ ездил в Берлин в 30-х годах для знакомства среди прочего с Эйнштейном (в это время Субири волнует переосмысление концепции пространства и времени, а также понятия субстанции в связи с теорией относительности и другими естественно-научными прорывами) и в другие области Германии, в том числе в 20-х годах для работы ассистентом Хайдеггера, одно время был приглашённым профессором в университете Фрайбурга, отправлялся в Рим учить восточные языки и историю религии, в Париж —

для сотрудничества с французской католической профессурой, также удалось Субири добрататься и до Америки (в Принстонском университете он прочитал лекцию «Реальное в математике»). И наконец, Хавьер Субири до середины 30-х годов был священником.

На данный момент опубликовано свыше 30 работ мыслителя в период с 1944 по 2019 г. Примечательно, что только 6 книг вышли при жизни автора: первый философский труд Субири «Природа, история, Бог» (1944), центральный труд по онтологии «О сущности» (1962), «Пять лекций о философии» (1963) и три части «Чувствующего интеллекта» («Интеллект и реальность», 1980, «Интеллект и логос», 1982 и «Интеллект и разум», 1983). Всё дело в том, что профессор Субири предпочитал устные лекции написанию рукописей, живое общение — письменному. Последние же опубликованные работы — это «Теологическая проблема человека: Бог, религия, христианство (2015)», «Структура метафизики» (2016), «О религии» (2017) и именно «Введение в философию греков» (2018) и «Философские размышления над некоторыми проблемами теологии» (2019). «Введение в философию греков» включает в себя рукописи одноимённого цикла университетских лекций, прочитанных в Барселоне с октября 1941 г. по май 1942 г., а также материалы частных уроков, которые Субири дал несколько позже для группы друзей в Ла-Корунье и Мадриде. На этих уроках присутствовали жена Субири Кармен Кастро, дочь Америкы Кастро, знаменитого испанского филолога и историка культуры, его преданный ученик Педро Лаин Энтральго и будущий философ, дипломат Франсиско Хавьер Конде, записи которых также включены в приложение к этому изданию.

Будет уместно вспомнить исторический контекст тех лет: начало Второй мировой войны, только что закончившаяся Гражданская война в Испании и установившаяся диктатура Франко. Вскоре после курса лекций в Барселонском университете Хавьер Субири заявит о невозможности свободно мыслить, запросит академический отпуск и фактически навсегда прекратит свою университетскую преподавательскую деятельность. Он вернётся в Мадрид и до конца жизни (за исключением короткой поездки в 1946 г. в Соединённые Штаты, в университет Принстона) будет давать только частные уроки, преимущественно в «Обществе исследований и публикаций», председателем которого он являлся. Это общество откроется в 1947 г. и станет новым интеллектуальным форумом, на котором философ сможет обсуждать свои наработки с постоянно растущей группой учеников, среди которых можно отметить таких

интеллектуалов, как Педро Лаин Энтральго и Хосе Лопес Арангурен. Если 20-е годы — это преимущественно феноменологический период, 30-е можно охарактеризовать интересом к современной науке, то в 40-е годы внимание Субири обращено к истории философии, особый интерес мыслителя вызывают её истоки, Древняя Греция. Данный период примечателен собственными историософскими исканиями, апогеем которых станет труд «Природа, история, Бог» (1944), подобно тому как в 60-е годы философ сосредоточит своё внимание на философии Нового времени и квинтэссенций этих штудий станет знаменитый историко-философскийopus «Пять лекций о философии» (1965), в котором Субири, правда, воздержится от изложения собственной философии, но вышедшая за три года до этого работа «О сущности» (1962) с лихвой это компенсирует. Таким образом, данное издание примечательно среди прочего тем, что даёт нам представление, как складывался знаменитый труд Субири «Природа, история, Бог», один из самых влиятельных текстов испанской философии XX в. В него непосредственным образом вошла первая лекция барселонского курса под названием «Случай человека. Греция и живучесть философского прошлого», а также две статьи 1940 и 1941 гг. соответственно, написанные по мотивам всё тех же лекций: «Сократ и греческая мудрость», «Наука и реальность». В работе «Природа, история, Бог» происходит слияние трёх волнующих в это время Субири тем: феноменологической традиции, греческой философии и современной науки. В полемике с этими тремя дискурсами Субири напишет свой первый важнейший труд, в котором, работая с понятиями природы, истории и Бога, впервые сформулирует свои собственные тезисы о реальности, интеллекте и религии. Уникальные рукописи лекций «Введения» в совокупности с записями их реальных слушателей рисуют нам живую картину субирианских медитаций на тему зарождения и становления западной философии, а также эволюцию собственной философии.

Во «Введении в философию греков» Субири ведёт своих слушателей и читателей к истокам философского мышления, в Ионию, к Фалесу и Анаксимандру. Туда, где рождается не знание, освобожденное от мифа (Нестле), не онтология (Гегель), не наука о природе (Бернет), не теология (Июиль, Петтерих), но новая форма мудрости, которая стремится приблизиться к вещам таким образом, чтобы они показали себя самих в своей сути, в своем изначальном смысле и глубинной структуре. Субири мастерски показывает трансформацию таких базовых философских понятий, как природа, начало, движение, порядок, форма, сущее и божественное от милетской школы до Аристотеля. На страницах «Введения» читатель может пережить опыт, который подталкивал греков к теоретическому мышлению и исторически

основывал наши собственные возможности философствования. Структура лекций выглядит следующим образом: первая глава посвящена тому, как мы воспринимаем греческое наследие, какова современная интеллектуальная ситуация и почему мы вновь и вновь обращаемся к грекам; вторая глава повествует о смысле досократической философии; глава третья — о цели философствования вообще; в четвёртой главе Субири рассуждает об особенностях греческой мудрости. Пятая же глава представляет собой записи непосредственно присутствовавших на частных уроках с цитатами самого Субири, и в ней поднимаются такие проблемы, как восхождение от *σοφία* к философии; от мифа к *λόγος*; вопрос о том, каким образом мышление ставит нас перед вещами, и что вообще значит понимать вещь, о которой ты думаешь; эволюция философской проблематики природы, проблема *φύσις* в ионийской философии (от Фалеса через *φύσις* и *οὐσία* Анаксимандра до Аристотеля); в заключении главы обсуждается специфика или *горизонт* (*el horizonte*) греческой философии.

Субири начинает своё изложение с размышления над нашим отношением к грекам, в частности, к досократикам, а также к прошлому вообще. На примере понятия логоса, которое большинством стало интерпретироваться сугубо рационально, Субири показывает, насколько мудрее нас были греки. Термин *λόγος* был сформулирован древнегреческими философами таким образом, что применялся ими без впадения в рационализм. На страницах рукописи Субири неоднократно повторит: «Досократовская философия была чем-то иным, нежели наукой, не была она ни онтологией, ни естественной наукой. Это вообще была не наука, это было что-то другое» (р. 84). И далее: «Если мы внимательно изучим фрагменты Анаксимандра, Ксенофана, Гераклита, Парменида, Эмпедокла и т. д., мы обнаружим, что эти люди гораздо ближе к тому, чем была наука в александрийские времена, ближе к теогониям и космогониям» (там же). Прошлое есть то, что прошло, его уже нет; однако философское прошлое, история философии есть нечто проявляющее невероятную живучесть в настоящем. Однако взгляд на греческое наследие может быть различным: в пример полярных отношений к пресократической философии Субири приводит буквальное восхищение перед определённой досократиков Ницше (к грекам ничего нельзя добавить) и попытку сопротивления этой зависимости Гёльдерлина (мы всегда в плену у древнегреческого языка философии). Два возможных модуса отношения показывают, что греческую философию можно либо безапелляционно принимать за апогей, либо пытаться выбраться из её оков, однако в отрыве от неё не может существовать

никакая последующая философия. Греческая мысль есть первый способ мышления, путь, по которому человеческий дух пришёл в философию. По Субири, греки прекрасно это понимали, как минимум, с Аристотеля, который начал систематизировать своих предшественников, и Платона, создавшего миф о пещере как о начале философии.

Испанский философ весьма нетривиально переосмысливает платоновский миф о пещере как метафору одиночества, и потому подвига, мудреца: «Греки всегда чувствовали, что философствование — это интеллектуальная жизнь, которая, вероятно, в силу своих собственных условий, протекает в одиночестве. Платон не выпустил из пещеры больше, чем одного человека. По этой причине философия вбирает в себя этот миф, именно благодаря свидетельству того, что данное завоевание достигается в ходе гигантского интеллектуального предприятия» (р. 158–159). Здесь же Субири приводит в пример изречение Аристотеля, уже в преклонном возрасте, о том, что чем больше он остаётся наедине с собой, тем большим другом мифов он становится. «Философия — это подвиг», — будет неоднократно повторять Субири. Это то, что потом было сформулировано Горацием как *sapere aude* и будет потом воспроизводиться Гаманом и Кантом. И то, что, по Субири, будет игнорироваться в оценке греческой философии Гегелем. Философ явно критикует Гегеля за одностороннее восприятие древнегреческой философии как теоретической и прямо говорит на страницах «Введения» об абсолютной слепоте Гегеля перед подвигом философствования. Меж тем это усилие, это мужество, этот подвиг есть всё. «Миф о пещере, как миф, показывает, что вознесение человеческого духа к философии — это человеческий поступок, а не просто логическая форма мышления. И в развёртывании этого действия мы можем видеть фундаментальную структуру, а не просто космологическую или какую-то архаичную, которой будут обладать все темы греческой философии» (р. 161). И, может быть, не только греческой. Пожалуй, это главный пафос субирианского «Введения», и состоит он в том, что греческая философия впервые в истории человечества совершила подвиг: и, в первую очередь, это этический поступок, и только потом интеллектуальный (переход к теоретическому мышлению). «Под эту симфонию начинается театр философии», — напишет автор. Симфония величественна, но минорна; образ начала философии, который рисует Субири, весьма трагичен, но отнюдь не потому, что обречён на провал, а потому, что требует абсолютного героизма и самоотверженности мудреца: чтобы признать, что видишь тени вещей, нужно мужество; чтобы сказать другим людям, что они

видят только тени, нужно мужество; и, наконец, чтобы выйти из пещеры и остаться наедине с собой и космосом, без всякого сомнения, нужно мужество.

Последние страницы «Введения» отданы размышлениям Субири о горизонте греческой философии. В последующих трудах Субири разовьёт эту мысль в самостоятельную и принципиально важную для него концепцию трёх горизонтов: горизонт движения (*el horizonte de movilidad*), горизонт ничто (*el horizonte de hihilidad*) и горизонт временности (*el horizonte de temporalidad*). Субири выделяет два горизонта в истории развития философии: горизонт античной философии (философия Сократа, Платона и главным образом Аристотеля) и называет его *горизонтом движения*, а также горизонт философии современной (от Августина до Гегеля), который именуется *горизонтом ничто*. Философ полагает, что не Декарт, как обычно принято полагать, но Августин дал начало Новой философии, ведь качественное изменение, по Субири, происходит тогда, когда западная философия принимает иудео-христианский горизонт творения и начинает полагать бытие как сотворённое *ex nihilo*. Субири будет критиковать Хайдеггера за то, что тот продолжает рассуждать о бытии в рамках дискурса ничтожности и, следовательно, тварности (*X. Zubiri. Los problemas fundamentales de la metafísica occidental. Madrid, 1994. P. 91*). В то время как для самого Субири принципиально важно было прийти к новому горизонту, впоследствии он станет считать таковым *горизонт временности*. Метафора горизонтов здесь принципиально важна, ведь Субири не называет своё деление хронологическим, это не периоды, а именно герменевтические горизонты, через призму которых мы можем философствовать в любой момент времени. Иначе можно было бы подумать, что история философии заканчивается на Гегеле и после него невозможна, что в корне не так: для Хавьера Субири философия — не некая застывшая текстов или систем, а живой способ мышления, развёртывание во вне своей внутренней интеллектуальной жизни. Почему же греческую философию Субири видит в горизонте движения? Потому, что формирование концепта движения маркируется им в качестве важнейшей вехи на пути становления философского мышления: так от понятия происхождения, близкого к понятию рода, рождения, смене поколений от отца к сыну («онтология через хронологию») греческая философия приходит к более абстрактному понятию *movimiento* (*movilidad*). Заслуга эта преимущественно принадлежит Анаксимандру и его *ἀτέρων* и, разумеется, Аристотелю, развившему концепцию движения до философского предела. Такие качественные изменения, переходные моменты мышления как раз-таки и пытается ухватить Субири.

Само название “Введение в ...” говорит нам об отказе от догматичности и схематизации в изложении истории мысли, о стремлении к максимальному (насколько это вообще возможно) погружению в интеллектуальную ситуацию, породившую греческий способ философствовать, к практически реальному переживанию чувства, побудившего теоретизировать таким образом (напомним, что, по Субири, интеллект есть чувствующий: ‘*inteligencia sentiente*’) и о *воле к истине* (*‘voluntad de verdad’*), в конце концов.

Итак, «Введение в философию греков» — это уникальное издание, оно абсолютно непохоже по стилю на «Пять лекций по философии» 1963 г., которые являются давно известным фундаментальным историко-философским трудом Субири. Текст «Введения» иного, преимущественно диалогового (в древнегреческом смысле этого слова) характера: в первой части «Введения» читатель имеет дело с рукописью, которую мыслитель написал по мотивам своих публичных лекций, а во второй части издания — с записями непосредственных слушателей частных уроков, которые Субири давал для очень близкого круга лиц. По Субири, в отличие от других дисциплин, для которых эксплицитная история не является чем-то необходимым и постоянно воспроизводимым, история философия для самой философии неотъемлема. Однако

Субири никогда не смотрел на историю мысли как на музейфикацию отживших систем, мёртвых идей и архивных персоналий, но всегда усматривал в ней живую мысль и то титаническое мужество, которое на неё подвигло, и главное, видел в ней постоянное приглашение к философствованию. История философии есть живой разговор, и специфика данного текста прекрасно это демонстрирует.

Я.И. Амелина

Амелина Яна Игоревна — аспирантка Школы философии, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Аспирант.

yamelina@hse.ru

Amelina Yana I. — Postgraduate student, Doctoral School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, 21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Postgraduate student.

DOI: 10.31857/S004287440006334-2